

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

I.

Русская жизнь возьмет тот курс, который ему укажет народная воля. А народная воля — это комплекс чаяний и желаний крестьянства, потому что городской пролетариат — вторая творящая сила, которую мы отнюдь не игнорируем — по условиям русской жизни связана еще живыми нитями с деревней. Поэтому вникнуть в существо крестьянских дум, чаяний и деловых планов — задача высокой важности; она имеет отнюдь не теоретический, а совершенно реальный интерес.

Но когда пытаешься осуществить эту задачу, встречаются нарастающие трудности. Искомая область представляет собою ряд чрезвычайно запутанных проблем. Где начало, где конец — не ведомо. И тем не менее осознавать их, пытаться разгадывать назревающее решение — необходимо.

Наиважнейшей и наиболее интереснейшей представляется проблема отношения крестьянства к происшедшему — к тому кровавому вихрю, который продолжает еще, лишь с несколько замедленной силой, взрывать устои старой жизни и перемещать, казалось бы, столь плотно пригнанные, почти сросшиеся, в их недавнем расположении, пласты.

Когда слушаешь речи коммунистов, то дело представляется в таком виде, что крестьянство пленено и захвачено новым строем и восторженно стремится к тому, как бы выразительнее афишировать свою преданность идее коммунизма. При этом намеренно вуалируется отношение на счет кулаков та ожесточенная борьба, которая, не уменьшаясь в своем напряжении, идет на территории всего Советского Союза и принимает формы персонального антикоммунистического террора — борьба ясная и конкретная. Нам думается, что коммунисты, столь уверенные в преданности себе крестьянства, так же роковым образом ослепляются, как ослеплялась до-революционная власть знаками безграничной „верноподданнической преданности“ крестьянства.

Противоположный лагерь, повидимому, так же непоколебимо и, по нашему мнению, так же ошибочно убежден, что крестьянство питает ненависть к новому строю и мечтает только о том, как бы этот строй свергнуть.

Но может быть действия и настроение крестьянства — это поведение раненого и обезумевшего от боли медведя, который ломает и разрушает всё попадающее ему на пути, поступаая при этом совершенно безрассудно, так как этим не угашается боль его раны?

В более широком объеме этот вопрос может быть сформулирован следующим образом: охватывает ли крестьянство совершенно ясным сознанием все происходящее, в котором ему приходится быть и ак-

тивной и пассивной стороной? Или же его отношение к окружающим событиям сводится к бессознательному примитивному восприятию?

Ответ на этот вопрос мы дадим словами беллетриста Эренбурга, писателя в данном вопросе достаточно беспристрастного. — «Не доверяя больше ни попам, ни коммунистам, бородастые сельские хозяева налегали на философские проблемы, учились сами, учили друг друга, учили своих детей, а также родителей, учились до отупения...» («Рвач», стр. 164). Эта «историческая осада знания» дала свои плоды: их горький вкус хорошо знает Калинин и К⁰, которых *poblesse oblige* выступать с докладами пред деревенской аудиторией, заканчивающимися «подачей записок», требующих разъяснения. Это — факт: деревня совершенно сознательно относится к окружающим событиям, уяснила себе их преемственность и связь и лишь доселе не дает своего вердикта в оценке их значения — полезности или неполезности.

К этой основной проблеме тяготеет, будучи с ней теснейшим образом связан и переплетен, целый ряд других.

Исконным стремлением крестьянской России было овладение землей, обрабатываемой руками деревни. Мечта эта исполнилась. Но исполнилась она далеко не так, как того желало крестьянство. Деревня, раз она была в центре латифундии, считала единственно за собой право на овладение всею без остатка земельною площадью этой латифундии. Ее очень мало озабочивало то, что верстах в 15—20 была такая же деревня без латифундии, осужденная на земельную тесноту. Восторжествовало начало справедливого поравнения, и нередко бывает, что население латифундарной деревни с осуществлением аграрной реформы понесло явную потерю: оно лишилось тех разнообразных заработков, которые имело раньше в латифундии, а земельная прирезка вышла незначительной. А тут еще давят налоги. И перед трезво-мыслящим крестьянством неизбежно стоит вопрос: выигрыш или потеря?

Такую же сложную проблему представляет собою кулачество. Крестьянству присуще здоровое стремление улучшать свой быт, т. е. жить достаточнее, чем оно жило. Единственный путь к этому — больше зарабатывать. Но мы знаем, с какою болезненной подозрительностью относится коммунистическая доктрина к нарастанию крестьянского благосостояния. Разными способами производится обстригание крепнущего хозяйства, и собственник его чувствует себя быстро приведенным в прежнее состояние нищенства.

Преследуя кулачество, абстрактный коммунизм всеми мерами стремится насадить в русской деревне коллективизированное хозяйство, кастрированное по социалистическому рецепту, холодное и неудобное. В этом направлении построены и продолжают строиться все законоположения, регулирующие сельско-хозяйственную политику советских республик. И в этом пункте коммунистическая доктрина врезывается острием в исконный индивидуализм русского крестьянства — индивидуализм именно хозяйственный. Скрепя сердце, крестьянство идет на колхозное принудительное строительство, идет, ругаясь и огрызаясь, ибо иначе не дадут необходимейших предметов инвентаря, откажут в семенах и денежной ссуде, а то чего доброго зачислят в категорию контрреволюционеров. И тем сильнее нарастает в крестьянстве протест против колхозного строительства, заглушая симпатии к добровольно устраиваемой кооперации.

Никогда не может примириться и не примирится крестьянство с обидной разницей расценки труда его, землероба, и труда фабрично-

заводского рабочего и вообще представителя городского пролетариата. Принужденный отдать за пару сапог урожай *netto* одной десятины крестьянин рассчитывает пропорцию: да сколько же часов сельской работы ему пришлось отдать за час городской работы? Рассчитывает, конечно, со скрежетом зубным, чувствуя себя ограбляемым и низводимым на положение крепостного.

Коллизии эти принесены в русскую деревню потоком революции. Коммунистическая диктатура не ослабляет этих антагонизмов, а даже как бы закрепляет их. Деревня кипит, живет напряженно и озлобленно, ища выхода из этих противоречий. В современном настроении деревни есть одна черта, заслуживающая быть отмеченной: крестьянство имеет непреклонное желание разрешить эти проблемы совершенно самостоятельно, не прибегая ни к чьей помощи, ни словесной, ни тем более деятельной. „Сами — мол заварили кашу, сами ее и расхлебаем; а ты, посторонний, не суйся!“ Быть может здесь лежит разгадка той странности, которая не может не поражать наблюдателя: почему крестьянство, будучи недовольно коммунистической властью, все таки эту власть терпит и носит? Крестьянство инстинктивно сознает, что подходит пора устанавливать государственный порядок „всерьез и надолго“. Очевидно, в сознании крестьянства не всё еще взвешено, не всё приведено в полную ясность, потребную для акта утверждения, и оно откладывает „этот последний и решительный бой“.

В этой нерешительности крестьянства — временная сила коммунистической диктатуры.

Константин Храневич

* * *

Помещая эту статью известного деятеля кооперативного движения, редакция считает нужным сопроводить ее следующим послесловием. Автор чрезвычайно наглядно показывает, что крестьянский вопрос не решен в Советской России. Старые дореволюционные способы его решения уже изжиты, к путям этим после революции и десятилетия советской аграрной политики возврата нет. Между тем новых путей еще не указано, и о них следует сказать несколько слов.

До сей поры русская политическая мысль колебалась между двумя планами решения аграрного и крестьянского вопроса — планами одинаково крайними и односторонними. Первый из них можно назвать урбанизмом, второй — аграризмом. С точки зрения первого наше селянство считалось простым средством для проведения высших форм промышленного развития России. Деревня приносилась в жертву городу, сельское хозяйство — промышленности, а основное село-хозяйственное население почиталось объектом, предназначенным для „стрижки“ во имя высших, промышленных целей. Подобный, не всегда осознанный урбанизм проводился у нас в эпоху Империи. Он получил вполне осознанное и идеологически оформленное выражение в аграрной политике русского коммунизма. Для коммунистической системы, в первоисточках своих созданной под впечатлением промышленного развития Европы, нет места крестьянскому хозяйству, как самостоятельной категории экономической жизни. В системе этой всё центрируется около фабрично-заводской промышленности, городского населения — в частности пролетариат — является носителем важнейших социальных функций и основных идей, определяющих строение нормального общества. Оттого-то марксистский

коммунизм, перенесенный на русскую почву, необходимо стал урбанизмом: крестьянство сознательно было превращено в средство для построения промышленно-социалистического общества и было поставлено под руководство пролетариата.

Как реакция против одностороннего урбанизма, у нас давно уже зрела идея аграризма. Начало ее следует искать в нашем аграрном социализме народнического и эсерского типа с его культом крестьянской общины, как основной формы совершенного общественного устройства. Существуют факты, указывающие, что такой аграризм особенно популярным становится теперь среди остатков разбитого революцией русского народничества, противопоставляющего себя коммунизму и мечтающего видеть будущую Россию „крестьянской“ или „селянской“. Для построения такой России необходимо создание единой крестьянской партии на классовой основе, — партии, которая будет действовать на основе широкого „демократического“ режима (в европейском смысле). Так как крестьянство составляет несомненное большинство нашего населения, то такая партия приобретет и большинство голосов и, без сомнения, станет у власти. Наступит классовая диктатура крестьянства, — построенная на воле истинного большинства т. е. диктатура демократическая и с точки зрения демократической морали допустимая, пусть при господстве ее классовому интересу будут принесены в жертву интересы целого (как они принесены и теперь при коммунистической диктатуре). Мы знаем, что опыты такой диктатуры в Болгарии находили весьма сочувственное отношение среди некоторых представителей наших народнических и эсерских кругов.

Евразийская крестьянская и аграрная политика одинаково далеко стоит от крайностей и урбанизма и аграризма. Взглянув на евразийский мир, как на великое географическое, экономическое и культурное целое, призванное строить свою внутреннюю жизнь на началах возможной самодостаточности, евразийство будет стремиться к сочетанию в единую органическую связь земледелия и промышленности, деревни и города. Город не есть какой-то паразит, вырастающий на деревенской почве, город органически нужен деревне, как и деревня нужна городу. Городская культура, материальная и духовная, должна быть органическим продолжением сельской. Мы далеки от крайнего увлечения городом, сторонники которого говорят об „идиотизме крестьянской жизни“; но в то же время мы не отрицаем того, что концентрация интеллектуальных элементов культурного целого до сих пор происходила преимущественно в городах (хотя часто представителями интеллектуального отбора и являлись непосредственные деревенские выходцы). Вполне целесообразны попытки, направленные в сторону образования и воспитания интеллигенции на чисто деревенской почве (образование крестьянских школ, университетов, институтов, просветительных обществ и т. п.). Однако, все эти меры ни в коем случае не могут уничтожить культурной роли города, являющейся исторически преобладающей. Поэтому мы не можем относиться с решительным отрицанием ко всякому культивированию в крестьянстве односторонних классовых настроений и классового „селянского“ эгоизма. Образование классовой крестьянской партии с точки зрения государственной следует считать огромной опасностью, под влиянием которой крестьянство может потерять присущий ему объективный политический смысл. На место его может стать

мимолетный интерес дня—и страна, предоставленная его преобладанию, на долгое время теряет способность к развитию своих культурных возможностей.*)

Вместе с тем крестьянское население, в особенности в русских условиях, поневоле разрознено и аморфно, а стало быть, нуждается в организации. Есть два типа такой организации, которым следует всячески содействовать: 1) экономическая организация — в виде крестьянской кооперации; 2) культурно-политическая в виде образования крестьянских союзов на почве одной общей культурной идеологии (евразийские крестьянские группы). Осуществлению последнего задания мы придаем особо важное значение. Идея крестьянского союза, как известно, родилась давно и была использована эсерами с политическими целями. Никакой культурной идеологии крестьянству при этом привито не было. В партийной дискуссии среди комсомола снова намечается идея такого Союза, но без всякой одухотворяющей идеологии. Ранее актуальный лозунг „черного передела“ теперь потерял смысл, новых не найдено. Крестьянская молодежь, отходящая от коммунизма, эти лозунги ищет и не находит — положение, на которое мы должны обратить самое пристальное внимание. Отличие отстаиваемых нами крестьянских организаций от „партии“ в европейско-демократическом смысле, сводится, прежде всего, к тому, что они образуются не на основе специально-политического интереса, направленного к завладению властью посредством выборов, но на основе широких культурных и идеологических потребностей; далее, такие организации не будут играть, наряду с другими „партиями“, роль единственного движущего агента политической жизни, каковыми являются политические партии в демократии, — напротив, они предполагают наличие основного государственного костяка в виде правящего отбора, дополнением и частью которого они и будут служить.

Что касается до политических и социальных условий, необходимых для правильного разрешения крестьянского вопроса, то их можно свести к следующим суммарным характеристикам: 1. „Крестьянская Россия“, мыслимая по типу атомизированной, западной демократии, является построением нереальным, фиктивным. Движением „снизу“, от разрозненных и аморфных крестьянских сил, государства не построишь. Кто предлагает его так строить, тот втайне мыслит, что строителем-то будет он сам, а „мужички“ его не выдадут и выберут в „депутаты“, — тем более, что за широкими лозунгами дело не станет. 2. Тем более, следовательно, для „Крестьянской России“ нужен тот основной костяк, который обеспечивал бы ей не только строение „снизу“, но и строение „сверху“. Костяк такой возможен только в виде правящего отбора, который должен работать в самом тесном соприкосновении с крестьянскими массами и в постоянном сотрудничестве с ними. Иными словами, не демократия западного стиля, но то, что мы называем „демоцией“, является един-

*) Нельзя также не отметить, что такая, чисто „селянская“ Россия всего более на руку тем, кто хочет видеть в ней простую колонию. План превращения России в „селянскую“ страну, живущую на основе аграрного, крестьянски-классового социализма, при котором не нужна не только собственная промышленность, но и собственная духовная культура, был весьма популярен в империалистических кругах довоенной Германии, считающих, что такая Россия для европейских „культуртрегеров“ наиболее удобна.

ственно реальной формой политического строительства. 3. Социальной системой „Крестьянской России“ может быть только функциональная земельная собственность, т. е. собственность, которая не только дает право, но и накладывает обязанности по отношению к социальному целому. Крестьянству должен быть предоставлен простор к обогащению с тем, чтобы отрицательные стороны последнего находили решительное противодействие в нейтрально организованном, надклассовом государственном аппарате.

ЕВРАЗИЙСТВО И ВКП(б)

Исключая состояние чистой святости, в каждом узле жизни, в неразрывной связанности пребывают начала добра и зла. Попущением Божиим злое начало может временно возобладать, и тогда равнодушному к основной трагедии мира взору представляется картина длящегося зла. Тогда рождается едкое и сухое презрение к представлению о человеке, как образе и подобии Божиим на земле. Тогда приобретает широкое распространение упрощенно-мстительный и гнусный (ибо диаволический) взгляд, что зло побеждается злом. Вместо расчлененного, отбирающего подхода к событиям жизни; вместо различения добра и зла; вместо того, чтобы поставить своею целью умножение добра и преодоление зла — ослепленные упрощенно-мстительной жадой воздания люди занимаются (или пытаются заниматься) возвеличением и превознесением зла.

Евразийское учение, укорененное в религии, никаким образом не может разделить взгляд, что зло побеждается злом и что длящимся преобладанием зла исключается присутствие добра.

Поэтому евразийцы и русскую революцию не рассматривают как какое то сплошное зло, для уничтожения которого нужно начисто вытравить всё, что произошло в России за годы революции. Нет, не истреблять всё (да еще с помощью зла), но различать годное и негодное, умножать доброе, преодолевать злое, — таков наш общий подход, такова наша общая задача, цель.

В частности, движимые подобными же мыслями и чувствами, мы подходим к вопросу организации правящего отбора, которая должна исполниться в условиях СССР, в условиях диктатуры ВКП(б).

Об историческом происхождении и государственно-политическом призвании правящего отбора достаточно полно сказано в писаниях евразийских авторов. В настоящем очерке остановимся, по преимуществу, на духовных и психических обстоятельствах образования нового правящего отбора России.

Евразийцы считают, что место правящего отбора в системе государства формально и функционально совпадает с тем, какое занимает ВКП(б) в нынешнем СССР. Но будущий отбор, подобно исторически бывшим отборам Московского государства и Российской Империи, явится не только аппаратом власти, но так же сосредоточием государственной воли, организатором национального самосознания. Он будет одновременно: первым слугой и ответственным водителем государства и народов России-Евразии.

ВКП(б) должна или переродиться или подвергнуться замещению другой партией потому, что ее воля и ее задачи не совпадают с волей и задачей выходящей из революции Новой России.

В случае, если ВКП(б) переродится и займет положение соответствующее положению правящего отбора, — противникам ВКП(б) „нечего будет делать“. О возможностях и признаках такого перерождения много и основательно писал Н. Устрялов (см. его книгу „Под знаком революции“). Но из мыслей Устрялова (довольно верных в плане историческом) не вытекают никакие нравственные и политические выводы, если не считать общего призыва к „не-деланию“ в уповании, что „всё образуется“. В устряловском национал-большевизме совершенно отсутствует воля к политическому действию. В этом отношении он противоположен эмигрантским „активистам“, которые, не понимая, в чем состоит государственный смысл русской революции, всё же пытаются воздействовать на ход событий и что, вероятно, главное, „войти в историю“. — Последние события в России и ВКП(б) опровергли устряловскую позицию „не-делания“. Надо думать, что ближайшие этапы в судьбе ВКП(б), пойдет ли она по пути „военного коммунизма“ или переворота в сторону преобразования в подлинный правящий отбор, — не будут носить характер политического и идеологического „постепенства“. Скорее напротив: — возможно ожидать самых коренных перемен. И вопрос лишь в том: — чьи руки их произведут?

* * *

Как и всюду („в каждом узле жизни“), в составе ВКП(б) имеются разнообразные элементы, т. е. люди различных характеров и воззрений. Разделив их на два лагеря и значительно упростив проблему, можно сказать, что в составе ВКП(б) имеются „подданные зла“ и „подданные добра“.

— Надо ли говорить с кем мы и кто с нами?

— Подобно тому, как П. Верховенский (в „Бесах“), проповедуя революционный нигилизм, утверждал, что тот, кто усомнился в бытии Божиим — „наш“ и тот, кто оскуднел жить, тоже „наш“ и т. д. *) — подобно этому, мы говорим: тот, кто сознательно взял на себя крест „парт-билета“ во имя исторического и государственного самосохранения России — наш; тот, кто воевал с Богом и людьми во исполнение „коммунистического идеала“, и разочаровался в этом идеале и ищет новых путей, отвергая старые заблуждения и раскаиваясь в них — тоже наш... — Нечего и говорить, что „нашими“ суть и будут все те, кто с „парт-билетом“ или без него, никогда не отлучали себя от Церкви, вообще религии и человечности, и всегда — с личиной или без личины — были служителями добра.

В конечной победе добра не должен сомневаться ни один „живой духом“. Евразийство исходит из убеждения, что народы Евразии, давшие миру высочайшие образы подвижничества, любви и героического служения правде, — в основе и большинстве стоят на стороне добра. Вопрос в том: — как, какими путями и средствами организовать и осуществить победу?!

*) „Учитель, смеющийся с детьми над их Богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу... уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтобы испытать ощущение, наши... Прокурор, трепещущий на суде, что он недостаточно либерален, — наш, наш!“

И тут снова надо обратиться к понятию правящего отбора и к нынешнему (пусть искаженному) его выражению — ВКП(б).

Каждый исторический отбор воплощает в себе волю и сознание государственного целого.

Этот принцип государственного строительства и жизни является для Евразийства основным. Следовательно, для Евразийства проблема России совпадает с проблемой ВКП(б), поскольку ВКП(б) содержит в себе зерна будущего правящего отбора России-Евразии. Внимание и усилия Евразийства должны сосредоточиться на партии и вокруг партии.

Такая постановка сводится к ставке на живую современную Россию, выдвинувшую свой актив в партию и ее вольных и невольных сотрудников. „Беспартийные“ в госорганах, „спецы“ в госпредприятиях, крепкие государству чины Армии, „попутчики“ в литературе и т. д. — все эти разряды людей несомненно примкнут к организаторам победы над коммунизмом и преобразования ныне правящей группы в духе подлинного правящего отбора.

Стало избитым местом, что продление комдиктатуры объясняется раздробленностью антикоммунистических сил. Но выводы, делаемые из этого всеми разделяемого положения, различны. Большинство толкует о необходимости „объединения“, не указывая того „во имя“, которое могло бы это осуществить; или говорит „общие места“ („Борьба за Россию“, „Патриотическое объединение“, „Союз государственных идей“ и пр.). Меньшинство (Евразийство) настаивает на необходимости „отъединения“ тех, кто действительно решился понять революцию, включиться в нее и победить в ней. Победить во имя той идеи, подданности которой они являются и которая — по их вере — созвучна Новой России.

Первая цель Евразийства состоит в том, чтобы выносить и исполнять идею-правительницу, обладающую силой отъединения и объединения „подданных добра“ по обе стороны рубежа.

Условия диктатуры ВКП(б) исключают возможность легальной правовой борьбы. Поэтому до образования исторически оправданного правящего отбора, главное усилие „подданных добра“ должно быть направлено на раздробление и ликвидацию другого — противостоящего полюса „подданных зла“ — всеми доступными средствами. В дальнейшем фактическим победителям предстоит трудная и благодарная задача государственного оформления правящего отбора.

Но тема организации правящего отбора выходит за пределы настоящего очерка.

К. А. Чхендзе